

**Пресс-конференция на тему
«Стратегическое развитие. Инвестиционные проекты в России»
18 мая 2021 года**

ВЕДУЩИЙ: Добрый день, рады вас приветствовать! Мы продолжаем серию пресс-конференций в преддверии годового Общего собрания акционеров «Газпрома». Наша сегодняшняя пресс-конференция посвящена вопросам стратегии развития компании.

В пресс-конференции участвуют:

- Олег Евгеньевич Аксютин, заместитель Председателя Правления – начальник Департамента,
- Андрей Степанович Фик, начальник Департамента,
- Кирилл Юрьевич Полоус, заместитель начальника Департамента – начальник Управления.

Я передаю слово Олегу Евгеньевичу, после чего мы перейдем к сессии вопросов-ответов.

О.Е. АКСЮТИН: Добрый день, уважаемые коллеги!

В начале нашей встречи я сделаю небольшую презентацию, расскажу о долгосрочных стратегических приоритетах компании, о ключевых инвестиционных проектах, которые у нас на сегодняшний день реализуются в России.

(слайд 2) Нужно сказать, что прошедший год стал годом-испытанием для энергетики. Не только для энергетики, для всей мировой экономики. Но при этом долгосрочные ориентиры развития отрасли остались, в принципе, неизменны. Именно на их основе «Газпром» и выстраивает свою стратегию. Прежде всего в основе этой стратегии лежит устойчивый рост спроса на природный газ в долгосрочной перспективе. Если обратиться к независимым оценкам, динамике мирового энергобаланса и спроса на энергоносители, можем увидеть следующее: ближайшие два десятилетия будут лидировать два энергоносителя – это газ и возобновляемая энергетика.

Насколько газ может быть востребован? Часто задают этот вопрос. Предлагаю рассмотреть эти цифры чуть-чуть повнимательнее. На первый взгляд, ключевая точка роста – это возобновляемая энергетика (ВИЭ), но вместе с тем существует такое понятие как абсолютный вклад в удовлетворение растущего спроса на энергоносители, и здесь лидером станет именно природный газ. Ожидается, что к 2040 году природный газ обеспечит почти 40% нового спроса на энергию против 34% у возобновляемой энергетика.

(слайд 3) Спрос на газ будет расти и на ключевых рынках «Газпрома». Прежде всего это внутренний рынок. Сегодня энергетическая стратегия России устанавливает ориентиры по ежегодному потреблению газа в стране. Вы знаете, что к 2035 году этот показатель может достичь уровня порядка 520 млрд. куб. м газа. Сегодня Группа «Газпром» ожидает повышения объемов реализации газа на российском рынке по мере развития газификации.

В контексте обсуждения внутреннего рынка хотел бы также обратить внимание на экологический аспект деятельности ПАО «Газпром». Программа газификации в России предполагает, в том числе, и перевод угольных электрогенерирующих мощностей на газ. Если вы посмотрите на показатель удельных выбросов, то переход с угля на газ до 50% эффективнее, чем замена газа на возобновляемую энергетику. Таким образом, «Газпром» уже сегодня ведет последовательную работу по сокращению выбросов. Мы в буквальном смысле оздоравливаем города России и улучшаем качество жизни наших людей. Компания сокращает углеродоемкость российской экономики и вносит существенный вклад в снижение, или в низкоуглеродное развитие, зарубежных рынков. Для этого мы наращиваем поставки природного газа по современным газопроводам в Европу и в Китай.

(слайд 4) С запуском газопровода «Сила Сибири» в 2019 году «Газпром» стал первой компанией, которая поставляет трубопроводный газ и в Европу, и в Азию.

Несколько слов о перспективах крупнейших импортно-ориентированных рынков газа в мире – европейского и китайского. К концу этого десятилетия рынок Китая по

потреблению газа может догнать и перегнать европейский рынок. К 2030 году совокупный объем спроса на газ на двух этих целевых рынках может приблизиться к отметке в 1 трлн куб. м в год. При этом нужно отметить, что собственная добыча газа в Европе падает, а в Китае – хотя растет, но растет не такими темпами, и сегодня мы видим, что спрос на газ в Китае растет быстрее, чем собственная добыча. На этом фоне мы ожидаем увеличение импортной ниши на двух рынках с 470 млрд куб. м до 550 млрд куб. м газа в год.

Усиление позиций на внешних рынках будет поддерживаться высокой конкурентоспособностью поставок «Газпрома», наличием портфеля заключенных долгосрочных контрактов, а также наращиванием экспортной производительности современных газопроводов с учетом потенциально новых проектов в долгосрочной перспективе.

(слайд 5) Нарастив поставки на российский и зарубежный рынки, компания уделяет приоритетное значение вопросам экологии.

Начнем с сокращения выбросов парниковых газов. Мероприятия Группы «Газпром» по сокращению воздействия на окружающую среду дают результаты: выбросы парниковых газов только за прошедший 2020 год сократились на 14%.

Важно отметить, что экспорт трубопроводного газа ПАО «Газпром» в Европу отличается минимальным углеродным следом. На слайде представлены данные исследования. Из них видно, что импорт российского трубопроводного газа в наибольшей степени отвечает европейским климатическим целям.

При этом компания не останавливается на достигнутом и планирует в дальнейшем вносить вклад в низкоуглеродное развитие. Речь идет в том числе и о водороде. На сегодняшний день это существенно дешевле делать с использованием природного газа и технологий улавливания углекислого газа, чем из воды и на базе возобновляемой энергии. В дальнейшем мы хотим производить водород без выбросов диоксида углерода.

(слайд 6) «Газпром» продолжает развивать свою ресурсную базу на основе традиционных месторождений, которые характеризуются экономическими и экологическими преимуществами по сравнению с нетрадиционными источниками.

Развитие нового центра газодобычи на полуострове Ямал в перспективе обеспечит основной прирост добычи в зоне Единой системы газоснабжения России. В настоящее время на полуострове продолжается обустройство сеноман-аптских залежей Бованенковского месторождения, вывод на полную мощность – 115 млрд куб. м в год. Вывод газа с полуострова Ямал осуществляется по магистральным газопроводам «Бованенково – Ухта» и «Бованенково – Ухта – 2». В 2019 году «Газпром» уже приступил к обустройству нового уникального месторождения – Харасавэйского. После выхода на полную мощность оно будет давать порядка 32 млрд куб. м газа в год.

Ресурсной базой газопровода «Сила Сибири» – это уже Восточная Сибирь и Дальний Восток, он введен в эксплуатацию в 2019 году, – является Чаяндинское месторождение. Проектная мощность у него 25 млрд куб. м газа в год, добыча уже ведется с 2019 года.

Базовым для Иркутского центра газодобычи является Ковыктинское месторождение, проектная мощность 27 млрд куб. м газа в год. Сегодня ведется обустройство месторождения на полное развитие и строительство линейной части газопровода «Сила Сибири» на участке Ковыкта – Чаянда.

Одним из важнейших этапов реализации Восточной газовой программы является создание Сахалинского центра газодобычи, включая освоение Киринского месторождения. По мере роста добычи на Киринском и Южно-Киринском месторождениях планируется увеличение пропускной способности магистрального газопровода «Сахалин – Хабаровск – Владивосток». В этих целях сегодня реализуется проект по строительству участка от города Комсомольска-на-Амуре до Хабаровска.

Продолжается расширение Северного газотранспортного коридора, включая строительство компрессорных мощностей на газопроводе «Ухта – Торжок – 2» и развитие газотранспортных мощностей на участке от Грязовца до КС «Славянская».

(слайд 7) Говоря о росте спроса на газ на ключевых рынках и реализации инвестиционных проектов, все это позволит компании существенно повысить производственные показатели к концу десятилетия.

Стратегические приоритеты компании – это устойчивый рост добычи газа, наращивание поставок газа на внутренний рынок и за рубеж, повышение их надежности и эффективности за счет современных высокотехнологичных газопроводов. Реализуемые инвестиционные проекты, прогнозируемый рост спроса на наших основных рынках сбыта – Россия, Европа и Китай, – а также ключевая роль природного газа в энергопереходе, на наш взгляд, создадут условия для достижения стратегической цели ПАО «Газпром» – укрепления статуса лидера среди глобальных энергетических компаний.

(слайд 8) Уважаемые коллеги, мы готовы ответить на ваши вопросы.

ВОПРОС: Светлана Холкина, агентство АК&М. Как местное население в регионах присутствия компании участвует в обсуждении инвестиционных проектов?

А.С. ФИК: Дело в том, что так или иначе при проведении проектно-изыскательских работ, при взаимодействии с местными администрациями местное население, безусловно, вовлекается в процесс обсуждения на этапе экологических слушаний. Безусловно, прямой контакт возникает именно на этапе проведения экологических слушаний, а через представительство в администрациях этот контакт налажен на всех этапах реализации инвестиционного проекта. Более тесным он становится уже на этапах реализации, когда на объекты выходят строительно-монтажные компании. То есть, тогда во многом задействуются и локальные ресурсы для выполнения отдельных видов специализированных работ, которые доступны на местном рынке, и сфера обслуживания, и вспомогательные услуги в месте производства работ.

ВОПРОС: Матвей Катков, газета «Ведомости». Олег Евгеньевич, Вы известны как противник возобновляемых источников энергии и внушаете важность водорода как энергоносителя. Можете подробнее сказать, в чем видите конкурентное преимущество водорода перед ВИЭ?

Второй вопрос тоже связан с водородом: какие вы видите способы решения технических проблем, связанных с его поставкой по трубопроводной системе, с увеличенным износом, при смеси с метаном и так далее?

О.Е. АКСЮТИН: Прежде всего я должен сказать, что я сторонник эффективных экологически безопасных энергетических моделей, а не противник возобновляемой энергетики. Возобновляемую энергетику мы используем на наших производственных объектах. Не знаю, известно или нет, но уже на протяжении 25 лет на одном из кластеров Ямбургского месторождения у нас используется возобновляемая энергетика как основной вид источника для его работы. Помимо всего прочего, возобновляемую энергетику мы используем и при электрификации наших крановых узлов, которые находятся на газопроводах в удаленной местности, используем возобновляемую энергетику и при эксплуатации газораспределительных станций. То есть на самом деле вопрос заключается не в «за» или «против». Это должно быть экономически обоснованно, технологически обоснованно, и должна быть обеспечена соответствующая надежность. Поэтому мы в этом вопросе не говорим, что кто-то против кого-то или против какой-то той или иной технологии. Должно быть все понятно, обоснованно, экономически выгодно.

Что касается водорода. Действительно, водородом мы занимаемся достаточно длительное время. Вопросы, связанные с водородом – это вопросы наукоемкие. Способы транспортировки водорода, а они тоже различны – от связанного до сжиженного состояния, с помощью трубопроводных систем, – эти вопросы требуют хорошего научно-технического подхода и обоснования. Поэтому на сегодняшний день мы изучаем вопросы воздействия водорода на металлы, стали: если метан стал водородом, то каким образом он

будет влиять на металл трубы? Мы изучаем вопросы, связанные с нормативной базой, потому что, по сути, ее сегодня нет, как, собственно говоря, и глобального рынка водорода тоже нет. Это вопросы, которые требуют совершенно спокойного, нормального подхода, осознания, понимания всех преимуществ и минусов и соответствующего принятия решения.

Сразу, наверное, предвосхищу вопрос по водороду. На самом деле, когда в 2013 году «Газпром» достаточно серьезно занялся тематикой водорода, первая задача, которая перед нами была поставлена – это использование водорода в составе топлива наших газоперекачивающих агрегатов. И мы рассматривали водород не в чистом виде, а в виде метановодородных смесей. Для чего мы это делали? Первое – это снижение токсичного следа, что само по себе факт. Дальше появилась задача, связанная со снижением углеродного следа. Решение этой задачи легло в существующую сегодня парадигму. Впоследствии мы вышли на вопросы изучения низкоуглеродных способов получения водорода, соответственно, этой тематикой тоже начали заниматься. Но еще раз хочу сказать, что все вопросы использования водорода и способы транспортировки должны быть четко понятны и научно проработаны. И этим мы сегодня занимаемся.

ВОПРОС: Людмила Подобедова, газета РБК. Какие приоритетные маршруты и способы транспортировки водорода вы сейчас рассматриваете как на внутреннем рынке, так и на экспорт? Есть ли какие-то прогнозы, какое количество водорода и к какому сроку вы можете экспортировать?

Как можно оптимизировать стоимость низкоуглеродного водорода из газа с системой улавливания CO₂ либо его захоронения, и какова она сейчас?

О.Е. АКСЮТИН: На сегодняшний день сам по себе водород, конечно, продукт более дорогой по сравнению с метаном. Но это, опять же, вопрос платы за экологию. Приводя это сравнение, надо понимать, что есть много нюансов: есть дотации или нет в получении водорода и все, что с этим связано. С технологической точки зрения, если сравнить получение водорода классическим способом – паровым риформингом с захоронением CO₂, – он получается на сегодняшний день одним из самых дешевых, по сравнению даже с тем же пиролизом. Пиролиз после этого идет. И самая высокая цена приходится на так называемый зеленый водород, который получается из возобновляемой энергии. То, что мы можем говорить о показателях и цифрах, или о ценах, мы сегодня можем говорить, только сравнивая с тем, что сегодня уже предлагается на рынке водородных заправок, к примеру. Там стоимость колеблется где-то от 4 до 7 долл. в зависимости от континента и в зависимости от страны. Нужно иметь в виду, что технологические решения в каждом отдельно реализуемом проекте по получению водорода, включая способ захоронения CO₂, существенно влияют на конечную стоимость самого продукта – водорода.

Что касается спроса, то на сегодняшний день есть ориентировочные цифры, какое может быть возможное потребление водорода. По крайней мере понятно, о чем говорят, например, металлурги, которые сегодня заинтересованы в водороде – они уходят от угля в своих технологических процессах и могут говорить о каких-то запросах. Но глобальный рынок водорода на сегодняшний день еще не сформирован. Поэтому говорить о каких-то объемах потребления, которые мы уже видим, понимаем, что они однозначно отфиксированы, я бы все-таки не стал.

Л. ПОДОБЕДОВА: Можно уточнить предполагаемые объемы вложения в мощности по транспортировке водорода?

О.Е. АКСЮТИН: На сегодняшний день инвестиций в инвестиционной программе на создание мощностей по водороду в «Газпроме» нет. Сегодня все эти работы находятся на уровне НИОКР. У нас есть несколько направлений, которые мы ведем в сотрудничестве,

например, с Томским университетом, Самарским университетом. Это два направления получения водорода без выделения CO₂, то есть пиролиз, по сути дела. У нас есть работы, которые мы ведем вместе с ОДК по созданию серийной установки по получению метановодорода на объектах, и соответствующий пилотный проект, который мы реализуем как в Самаре, так и в Уфе. Поэтому то, что касается вложений на сегодняшний день, инвестиционных решений по водороду в «Газпроме» не принято, это идет на уровне НИОКР и пилотных проектов.

ВОПРОС: Татьяна Киселева, агентство «Россия сегодня». Мой вопрос касается недавнего заявления Алексея Борисовича Миллера. Он сказал, что «Газпром» прорабатывает сценарии развития компании до 2050 года при тренде на низкоуглеродную экономику. Могли бы вы рассказать подробнее, что это за документ, когда планируется презентовать его публично, и насколько радикальными будут климатические цели, если вы планируете их устанавливать? Многие сейчас заявляют о том, что будут стремиться к углеродной нейтральности. Может быть, «Газпром» тоже планирует для себя установить такую цель?

О.Е. АКСЮТИН: Действительно, такая работа в «Газпроме» организована, сценарии устойчивого развития ПАО «Газпром» до 2050 года разрабатываются сегодня на основе анализа политических, экономических, технологических трендов развития мировой энергетики и в условиях повышения важности климатического фактора. Разработка сценариев, мы предполагаем, будет завершена в мае 2022 года. И в рамках каждого из рассматриваемых сценариев будут установлены конкретные климатические цели компании. Сценарии будут при этом учитывать низкоуглеродную стратегию, которая разрабатывается в настоящее время в Российской Федерации. В качестве одного из сценариев будет изучен углеродно-нейтральный вариант.

ВОПРОС: Эльвин Ахадов, журнал «Газовая промышленность». На прошедшем заседании рабочего комитета Международного делового конгресса, а также на Дне инвестора Вы очень убедительно высказались о приоритетной роли природного газа в мировом энергобалансе в перспективе на многие десятилетия вперед. Чтобы этот «мост», как Вы выразились, простирался как можно дальше и стоял максимально уверенно, какие инновационные разработки потребуются «Газпрому»?

О.Е. АКСЮТИН: Конечно, это тема для отдельного обсуждения и целой конференции, но я постараюсь быть лаконичным.

Вы знаете, что мы сейчас, говоря о наших газопроводах, о современной газопроводной системе, ставим задачу по снижению углеродного следа газа в процессе транспортировки. Тема водорода, метановодорода, о которой мы говорили, входит в одно из оснований этого «моста».

Следующее – это техническая работа, которую мы ведем с партнерами-трубниками. В частности, сейчас ведется работа по созданию труб на 160 атмосфер, которые бы обеспечивали такие давления при транспортировке, но при этом не влияли бы существенно на металлоемкость самой конструкции.

Что это даст? Увеличение давления при транспортировке газа позволит увеличить расстояние между компрессорными станциями, снизить количество агрегатов, которые мы на компрессорных станциях устанавливаем. Опять же, это влияет на экономику строительства и снижает, соответственно, воздействие на окружающую среду. Следом потянутся вопросы, связанные со всей инфраструктурой: это и запорная арматура, и фасонные изделия, и компрессора, которые должны обеспечить достаточно высокую производительность при таких высоких давлениях. То есть такой перечень вопросов, который попадает в зону обеспечения нормального, эффективного и надежного транспорта газа потребителям.

Сюда, наверное, что можно отнести агрегаты повышенной единичной мощности – 32 МВт, у нас такой агрегат существует. Это направление, которое тоже связано с обеспечением развития транспорта газа.

Есть еще много нюансов. Если мы говорим сегодня про «мост» и про трубопроводный транспорт, то я, наверное, на этом пока остановлюсь, хотя можно и про добычу поговорить, и про морские офшорные месторождения, и про все, что с этим связано.

ВОПРОС: Алексей Новиков, агентство «Интерфакс». Сейчас по активности закупочной деятельности компаний Группы «Газпром» можно предположить, что идут определенные процессы, связанные, может быть, со снятием определенных лимитов на финансирование и на освоение инвестиционных средств. Тем более мы видим, что в Европе цена на газ пребывает на очень благоприятном уровне. В связи с этим можете сказать, не принимались ли решения об увеличении лимита освоения инвестиций «Газпромом» на 2021 год?

Следующий вопрос по поводу «Газстройпрома». Его непосредственное оформление в огромный холдинг состоялось в 2020 году. По итогам этого очень сложного года вы можете сказать, была ли оправданна консолидация в «Газстройпроме» таких огромных человеческих и производственных ресурсов? Не проще ли было по-прежнему работать с ними на подрядах? Завершен ли процесс консолидации строительных активов группы «Газстройпром»?

Можете подсказать новые сроки освоения и ввода Южно-Киринского месторождения?

А.С. ФИК: Что касается инвестиционной программы. Дело в том, что инвестиционный цикл планирования несколько более инертен, чем конъюнктура рынка, поэтому говорить сегодня о пересмотре показателей инвестиционной программы несколько рано, хотя нашим регламентом инвестиционной деятельности такая возможность предусмотрена, но предусмотрена она по результатам полугодия. То есть ответить более содержательно на ваш вопрос по поводу изменений параметров инвестиционной программы компании на 2021 год можно будет ближе к октябрю этого года.

На сегодняшний день мы работаем в параметрах инвестпрограммы, которые утверждены Советом директоров в декабре: общие объемы финансирования составляют чуть более 902 млрд руб. Безусловно, инвестпрограмма нацелена на покрытие потребностей ПАО «Газпром» в реализации важнейших проектов, проектов пикового баланса, обеспечение стратегических целей и задач компании. Как у любой компании, у нас всегда есть потребности на дополнительные финансовые средства для реализации проектов в рамках инвестиционной программы, но к анализу этих потребностей и возможностей компании мы подойдем чуть позже, в конце лета.

Что касается консолидации строительных активов, которые так или иначе были задействованы в реализации инвестиционных проектов ПАО «Газпром». Прошло совсем немного времени для того, чтобы подводить черту и делать полномасштабный анализ того, чего удалось добиться и что еще предстоит сделать. 2020 год с точки зрения влияния на инвестиционный процесс был достаточно сложным, как и во всех других сферах деятельности компаний в России и в мире. Вместе с тем надо отметить, что сегодня юридически процесс консолидации активов завершен. Что касается бизнес-процессов, этот процесс еще продолжается, но те основные задачи, которые ставились при принятии решения по консолидации строительных активов ГСП, на сегодняшний день, достигнуты.

Это, безусловно, повышает нашу оперативность в принятии решений во взаимодействии с подрядным комплексом. Это, исходя из тех цифр, что я назвал по объемам финансирования инвестиционной программы, подразумевает достаточно серьезный уровень взаимодействия и распределения ресурсов строительных организаций по основным локациям реализации инвестиционных проектов. Это, наверное, более

правильное планирование ресурсов, потому что география наших проектов достаточно сложная. Поэтому в зависимости от видов проектов, в зависимости от стадии проектов и от объемов капитальных вложений требуется очень четкая работа во взаимодействии с руководством «Газстройпрома» по распределению ресурсов подрядных организаций. Мы перешли на трехлетний цикл планирования инвестиционной программы, что дает нам больше возможностей для среднесрочного распределения ресурсов в рамках нашего взаимодействия с подрядным комплексом.

Вместе с тем, если уж быть точным в ответе на ваш вопрос, не следовало ли продолжать на условиях подряда работать с отдельными подрядными организациями, собственно, мы и с «Газстройпромом» мы работаем на условиях подряда. Поэтому те компании, которые влились и сегодня составляют «Газстройпром» как группу компаний, они никуда не делись и активно участвуют во всех процессах, связанных с реализацией инвестиционных проектов.

А. НОВИКОВ: Вы упомянули про компании, которые влились в «Газстройпром». Готовы ли очертить этот периметр?

А. С. ФИК: Мы говорим о компаниях, которые вошли в периметр – это «Стройгазконсалтинг», «Стройгазмонтаж» и компании СТНГ, «Газпром автоматизация». Это крупные компании, которые представляют собой строительные мощности.

О. Е. АКСЮТИН: Это крупные. Хочу добавить, что там есть зависимые компании. На сегодняшний день, что касается именно строительного комплекса, мы считаем, что этап консолидации уже завершился. Мы сейчас имеем крупного подрядчика – одно «окно», которое работает на единых понятных принципах для всех компаний Группы, сейчас это выстраиваем.

Рынок никуда не ушел, потому что на стройках «Газпрома» работают и другие компании, которые не имеют отношения к «Газстройпрому». «Газстройпром» принимает участие в конкурсах на равных условиях, то есть рыночная составляющая никуда не ушла. Мы считаем важным сверять цифры и понимание эффективности, и то, как соотносятся стоимость предлагаемых услуг и эффективность работ.

К словам о трехлетней инвестиционной программе, у нас еще создан пятилетний прогноз инвестиционной программы, который позволяет в диапазоне пяти лет планировать деятельность всем участникам инвестиционного процесса. Для нас это важно, потому что многие вещи можно делать заранее, с пониманием тех задач, которые будут ставиться, с одной стороны, а с другой стороны, с пониманием организации предварительных процессов, связанных со строительной деятельностью.

А. С. ФИК: Третий вопрос. Южно-Кириновское месторождение сегодня включено в инвестиционную программу ПАО «Газпром», идет активная реализация этого проекта. В этом году запланировано продолжение бурения на месторождении. Этот проект является индикатором сотрудничества в плане импортозамещения. На сегодняшний день график реализации проекта не пересматривался, мы идем в соответствии с директивными сроками реализации проекта. Безусловно, в прошлом году пандемия наложила отпечаток на процессы, связанные с реализацией проекта. Это не относится исключительно к Южно-Кириновскому месторождению, реализация этого проекта продолжается в соответствии с намеченными сроками.

А. НОВИКОВ: 2023 год остается?

А.С. ФИК: Да, остается.

ВОПРОС: Виталий Соколов, портал Energy Intelligence. Олег Евгеньевич по презентации представил консенсус-прогнозы по спросу на газ в Европе и Китае, но прогнозы в последнее время часто меняются в сторону уменьшения. Какие пессимистические сценарии развития спроса на газ в Европе и Азии вы рассматриваете и какие в этих сценариях ваши планы по инвестиционным проектам по добыче и экспорту газа? Насколько эти планы отличаются от ваших базовых стратегических целей? Это первый вопрос.

На Дне инвестора вы рассказывали о «зеленых» затратах, которые планируете в объеме более 500 млрд руб. в следующие пять лет. Не могли бы сказать, сколько из этой суммы пойдет на модернизацию газопроводов в России и какие еще проекты входят в этот перечень?

Сегодня было сказано, что в перспективе вы планируете производить водород без выбросов CO₂. Вы имеете в виду водород, производимый из природного газа с технологией улавливания, или это и электролиз воды тоже?

Вы планируете участвовать в проектах по производству зеленого водорода в Европе? Компания GASCADE, к которой вы тоже имеете отношение, участвует в проекте AquaDuctus. Вы планируете в этом проекте участвовать или почерпнуть там экспертизу? Он является конкурентом ваших трубопроводных поставок и проектов голубого водорода?

Вопрос по поводу вашей оценки газотранспортных мощностей современных в перспективе до 2030 года. Вы называли цифру 330 млрд куб. м в год в долгосрочной перспективе – это все за счет новых газопроводов в Китае? Вы в Европе не рассматриваете строительство новых газопроводов? «Северный поток – 2» будет вашим последним новым газопроводом в Европе? В число 330 входит украинский транзит или только частично?

О.Е. АКСЮТИН: Наша долгосрочная программа развития предполагает наличие как минимум трех сценариев: это максимальный сценарий развития, базовый или умеренный сценарий развития и минимальный сценарий развития деятельности компании. При этом мы тремя сценариями не ограничиваемся. В 2020 году был у нас разработан еще один дополнительный, пессимистичный, сценарий развития, связанный с пандемией. Мы быстро отреагировали, сделали соответствующий прогноз и под этот сценарий выстраивали деятельность нашей компании. То есть в рамках нашей долгосрочной программы предусмотрена вариабельность действий компании в зависимости от внешних факторов развития.

Эта программа может быть очень гибко выстроена, исходя из тех внешних факторов, которые у нас имеются. Если говорить о минимальном сценарии, то в основе наших прогнозов и нашей деятельности мы отталкиваемся от минимальных контрактных обязательств по поставкам газа. Мы опираемся на понятную логику, понятные документы – это контракты, в которых определены наши обязательства с точки зрения минимальных объемов поставок газа потребителям. Ниже этих показателей в рамках своих сценариев мы не опускаемся. Мы оцениваем те риски, которые есть, и что нужно сделать, чтобы их определенным образом купировать, но не ниже тех обязательств, которые имеет компания.

Что касается вопроса по «зеленым» капитальным вложениям, то действительно, об этом речь идет. Основная доля капитальных вложений приходится на газификацию. Там, где идет замена угля на природный газ, мы получаем эффект и в масштабах страны, и в масштабах пользователей нашим видом энергии. Большая часть – это газификация. Часть затрат у нас идет на реконструкцию газоперекачивающих агрегатов, потому что вопросы, связанные с КПД, с потреблением топливного газа – они тоже относятся к категории «зеленых» технологий.

Что касается проекта GASCADE. «Газпром» не планирует получение «зеленого» водорода или водорода электролитическим способом, о котором Вы говорите. Компания GASCADE изучает возможности, которые существуют на сегодняшнем рынке. Тем более, что сама программа, на наш взгляд, направлена больше на изучение возможностей.

Поэтому как зависимая компания она работает в абсолютно конкретной стране, в понятных условиях, в этом ничего такого нет.

По поводу газотранспортных мощностей. Действительно, 330 млрд куб. м газа в год – это Европа и Китай, больше 60% приходится на Европу, остальное увеличивается за счет проектов, реализуемых в направлении Китая. Я еще раз подчеркиваю – это современные газопроводы. В направлении Европы пока новых инвестиционных решений принято не было.

В. СОКОЛОВ: Я имел в виду, что новые мощности – они в основном в сторону Китая? То есть в Европе новых мощностей не планируется?

О. Е. АКСЮТИН: На сегодняшнем этапе – да, это так.

ВОПРОС: Оксана Кобзева, агентство Reuters. По поводу проектов, которые связаны с поставками газа в Китай. Один из проектов – это дальневосточный маршрут. С учетом того, что непонятны перспективы с расширением СПГ-завода на Сахалине в связи с дефицитом газа для третьей очереди, что будет ресурсной базой для поставок газа с Дальнего Востока в Китай? И про Южно-Кириновское вы уже сказали, что это 2023 год. Значит ли это, что эти сроки коррелируются как-то с новым трубопроводом или нет? Или Южно-Кириновское будет привязано полностью к расширению СПГ-завода на Сахалине?

Еще один вопрос связан с планами по производству сжиженного природного газа. Уже несколько раз откладывался запуск СПГ-завода в Ленинградской области. Каковы сейчас сроки запуска предприятия? «Газпром» неоднократно заявлял о том, что российский СПГ конкурирует с трубопроводными поставками, речь шла, в частности, об СПГ другого производителя. С учетом запуска новых проектов «Газпрома» в Ленинградской области и в Усть-Луге, как «Газпром» собирается сам себя ограничивать в том, чтобы не конкурировать со своим газом?

По поводу водородной стратегии. Сейчас у «Газпрома» нет ни планов финансирования проектов, ни конкретных проектов. Как оцениваете свои перспективы выхода на этот рынок? Это за пределами 2030 года или 2050 года, с учетом того, что сейчас все только на стадии, как Вы сказали, научных разработок?

Относительно того, что вы сказали про низкоуглеродный сценарий развития. Как я поняла, это один из сценариев в рамках нескольких сценариев, которые «Газпром» рассматривает к 2050 году. При каких условиях может быть реализован низкоуглеродный сценарий? Это только один из нескольких вариантов? Он не предполагает, что события могут развиваться по-разному?

О. Е. АКСЮТИН: Начну с последнего вопроса. Мы сейчас делаем соответствующую серьезную работу, она находится на самом начальном этапе, а вы хотите, чтобы я уже сделал выводы по этой работе? Я могу постараться, но, наверное, не учту всех факторов. Действительно, сценариев будет несколько. Один из этих сценариев – углеродно-нейтральный. Какие условия, какие факторы – сейчас, на этапе формирования технического задания, наверное, будет ответить сложно. Давайтеждемся завершения этой работы, потому что Вы абсолютно правы в том, что есть много факторов, влияющих, в том числе, и на такой сценарий развития. Поэтому не будем подменять научные исследовательские институты, которые занимаются этим вопросом.

Что касается вопроса по газу на Дальнем Востоке, то я хочу сказать, что для реализации наших проектов дефицита газа нет.

Что касается газопровода в Китай. Идет процедура переговоров, и что-либо дополнительно говорить на этом этапе не стоит, потому что всегда есть вещи очень чувствительные с точки зрения раскрытия той или иной. Еще раз говорю, с точки зрения объема газа для реализации наших проектов дефицита нет.

Что касается комплекса по производству СПГ в районе КС «Портовая» в Ленинградской области. На сегодняшний день там ведутся строительные работы, сейчас идет пусконаладка отдельных систем. Мы планируем до конца года его ввести в эксплуатацию.

Каким образом уйти от конкуренции, о которой Вы говорите? У нас есть единый оператор газа, и трубопроводного, и сжиженного – это «Газпром экспорт», задача и заключается в том, чтобы этой конкуренции избежать. Это один момент. А второй момент, что мы СПГ рассматриваем как способ транспортировки газа туда, куда экономически нецелесообразно или вообще невозможно построить газопроводы. Это рынки, ориентированные на сжиженный природный газ. Поэтому наличие как раз такого единого центра координации, на наш взгляд, и позволяет уйти от той конкуренции, о которой Вы говорите.

О. КОБЗЕВА: Расскажите, пожалуйста, по поводу перспектив третьей очереди СПГ-завода на Сахалине.

О.Е. АКСЮТИН: Вы знаете, решение по этому проекту принимает не только «Газпром». Это консорциум, который рассматривает те или иные решения, связанные с дальнейшей реализацией проекта. На этом этапе вопрос находится на рассмотрении. Пока окончательное решение не принято.

О. КОБЗЕВА: По водородной стратегии уточните, пожалуйста, есть хотя бы какие-то перспективы, примерные сроки? Эту тему в последнее время активно артикулирует германская сторона: «вот, мы с Россией хотели бы участвовать в совместных проектах» и так далее. Может быть, у вас идет какое-то развитие этого направления?

О.Е. АКСЮТИН: Действительно, мы с нашими партнерами реализуем на территории Германии несколько совместных проектов по водороду. Они тоже пока проекты-пилоты, которые касаются изучения, в том числе, условий хранения водорода и возможности его транспортировки по газопроводам. Эти работы мы ведем, но полностью ясные и понятные ответы еще не получены.

Второе направление, которое тоже обсуждалось с немецкими партнерами, это вопрос создания и получения водорода традиционным методом с захоронением CO₂. Действительно, в рамках Российско-Германского сырьевого форума, такие обсуждения состоялись. Но нужно четко понимать конфигурацию проекта: по какому принципу идти и какие технологии, в конце концов, нужно использовать, для того чтобы мы могли это реализовать. Чтобы это было не только пилотным, а действительно экономическим проектом. Пока сказать, что тот или иной проект уже «взлетит» и мы видим всю экономику, ни наши коллеги с немецкой стороны, ни мы однозначно не можем. Мы занимаемся этим очень плотно, с пониманием всех нюансов.

Вот самый простой пример – по поводу регуляторных моментов. С точки зрения добавления – есть водород, есть метановодород. Метановодородные смеси тем хороши, что при содержании в них до 20% водорода мы получаем снижение по выбросам CO₂, по парниковым газам. В зависимости от технических решений снижение составляет от 15 до 30%. Это хорошие показатели. Но есть один момент: в одних странах Евросоюза законодательно разрешается добавлять только 0,02% водорода к газу, в других – порядка 10%. Причем это единая система, единые подходы, они между собой взаимосвязаны!

И некоторые говорят, мол давайте мы сейчас произведем много водорода и закачаем в трубу! А дальше что? Конечно, я понимаю, хочется, чтобы это все быстро шло, развивалось, но и газовая система не сразу создавалась, шаг за шагом, поэтапно, с отдельных газопроводов, с отдельных свойств газа... Примерно этот же путь мы и проходим. Может, получится быстрее, учитывая опыт, который наработан по метану. Но

путь надо пройти, по-другому не получится без понимая всего того, что с собой несет водород.

Водород имеет повышенную летучесть. Просто открываем технические, научные аспекты использования водорода: проницаемость у него выше, чем у метана. Соответственно, насколько запорная арматура, которая сегодня используется в газотранспортной системе, обеспечит герметичность газопровода? Вопрос, который требует понимания и соответствующей работы. Это значит, что нужны новые уплотнительные материалы. А новые уплотнительные материалы – это работа, которую нужно сделать, их еще никто не производит. Мы будем закачивать водород в те газопроводы, которые есть, или все-таки с пониманием, что мы должны обеспечить герметичность, надежность, нелетучесть и все, что с этим связано?

Понимаю, хочется сказать, что водород – наше все. Да, водород – это хороший продукт, очень экологичный продукт, но для того чтобы все его свойства максимально использовать, мы должны выполнить эту домашнюю работу.

ВОПРОС: Денис Лебедев, интернет-издание «Фонтанка.ру». Два года назад предлагалось расформировать в «Газпроме» департамент по управлению корпоративными затратами. С тех пор прошло уже достаточно много времени, уже, наверное, можно как-то проанализировать. Скажите, за это время вопрос с оптимизацией корпоративных затрат сдвинулся ли с мертвой точки, видите ли вы сейчас еще пути для оптимизации и минимизации корпоративных затрат?

О. Е. АКСЮТИН: Действительно, в рамках организации этого бизнес-процесса у нас произошли изменения. Нужно говорить не о том, как мы это делали, а какой результат получили. Прежде всего, в рамках наших процедурных вопросов, связанных с закупкой, мы достигли того, что максимально сократили количество участников с точки зрения цепочки закупки.

Во-вторых, мы перешли на закупки на трехлетний период: как по закупке материалов, так и по закупкам для выполнения работ. Вы знаете, о закупке труб большого диаметра, которую мы провели, о ней очень много говорилось в прошлом году. Мы закупили трубы по цене, которая на сегодняшний день была бы почти на 50% дороже, если бы мы эту закупку проводили ежегодно. Мы получили очевидный эффект: покупали трубы по 45 тыс. руб. за тонну, а сегодня такие же трубы нам предлагают за 76 тыс. руб. Такой подход – увеличение сроков закупок, непосредственное приобретение у производителей той или иной продукции – позволил нам оптимизировать.

Следующее направление, которым мы сегодня занимаемся, это цифровизация. Сегодня наша инвестиционная деятельность в том числе связана с проведением закупок и с аттестацией тех, кто нам предлагает свои услуги. Мы делаем этот процесс абсолютно понятным и прозрачным. Сегодня на сайте можно посмотреть, как можно стать нашим поставщиком услуг, какие есть условия, какие критерии. Можно подать заявку в личном кабинете и проследить свой путь как будущего поставщика услуги или материалов для «Газпрома». Это одно направление.

Второе направление, которым мы занимаемся в части оптимизации затрат, связано с оценкой влияния тех изменений, которые происходят в рамках реализации программ. Создано соответствующее Управление, оно находится в ведении Андрея Степановича, в его Департаменте. Это Управление проводит анализ, чтобы контролировать изменения, которые происходят в рамках реализации инвестиционной программы, при этом обеспечивая доходность по нашим проектам.

Еще одно направление, которое реализуется последние два года. Еще один наш Департамент, который производит экспертизу проектов не только с точки зрения технических вопросов, но и с точки зрения оптимальности предложения, с точки зрения экономической целесообразности применения того или иного оборудования и тех или иных

предлагаемых технических и технологических решений. Собственно говоря, в этом направлении мы продолжаем двигаться и развиваться.

Д. ЛЕБЕДЕВ: В цифрах как-то эта оптимизация измеряется за минувшие год-два, сколько удалось сэкономить? Какова оценка эффективности этой работы, о которой Вы сейчас говорили?

О. Е. АКСЮТИН: Эта оценка в нескольких плоскостях, но сейчас я цифру говорить не буду, просто не хочу Вас ввести в заблуждение.

Д. ЛЕБЕДЕВ: Мне как жителю Петербурга кажется, что «Газпром» мог бы обратить внимание на какие-то еще очень крупные свои проекты, которые могли бы быть оптимизированы с точки зрения корпоративных закупок. Вы видите сейчас такие крупные проекты, которые напрашиваются, чтобы их немножко сооптимизировали?

О. Е. АКСЮТИН: Я отвечу на этот вопрос немного в другой плоскости. Мы сегодня активно используем внутригрупповую синергию в рамках реализации наших проектов. Вы знаете, есть договоры рискованной ответственности, когда мы разрабатываем месторождения совместно с «Газпром нефтью». Наш пример – это Бованенковское, Харасавэйское месторождения. Там у нас есть классические сеноманские залежи, где газ, а есть неокон-юрские отложения, где достаточно большое содержание жидких углеводородов. И тогда мы идем на совместное обустройство этих месторождений. Нижний горизонт обустраивается за счет инвестиционных программ «Газпром нефти». При этом мы свой газ получаем, а коллеги зарабатывают на жидких углеводородах, чем и занимается «Газпром нефть». Такой подход нам сегодня позволяет реализовывать проекты, обеспечивать необходимый баланс газа, с одной стороны, но при этом не оказывать никакого влияния на инвестиционную программу ПАО «Газпром».

Мы постоянно занимаемся оптимизацией затрат. У нас есть планка – наша внутренняя норма доходности, которую должен обеспечить проект. Поэтому, когда видим, что происходят изменения, то мы смотрим, какое они оказывают влияние на доходность проекта с точки зрения максимальной монетизации, обеспечения доходности и возможности реализации инвестиционной программы, конечно, и интересов акционеров. Это мерило есть. Вы сказали: «Какой проект посмотреть?» Мы все смотрим. Это проходит такую процедурную цепочку, где вопросы рассматриваются очень внимательно, вплоть до расценок и до самого нижнего уровня. Важно понимание затрат, почему они так складываются, почему они есть.

Этим вопросом занимается и «Газстройпром». Тут есть определенная синергия, потому что мы работаем фактически с одним «окном». Требования, которые мы сегодня предъявляем, проще предъявить одному подрядчику, который распространил бы их в рамках своей группы, понимая, что существует прозрачность формирования бюджетов, и принимал бы те или иные решения, четко вписываясь в тот объем затрат, капитальных вложений, который определен в рамках нашей инвестиционной программы.

ВОПРОС: Анастасия Горева, агентство Argus Media. Вопрос по поводу инвестиций на среднесрочную перспективу. На каком уровне «Газпром» планирует инвестиции в 2022–2023–2024 годах? Сколько из этих инвестиций, я имею ввиду капитальные затраты, пойдет на транспортировку, сколько на добычу, сколько на восточные проекты и сколько на проекты в зоне ЕСГ.

А. С. ФИК: Я уже упомянул, что мы верстали инвестиционную программу с горизонтом в три и с прогнозом на пять лет. В этих планах у нас сохранится тренд на инвестиции и в добычу, и в транспортировку газа. Предел инвестиций примерно такой же, как и в этом году – порядка 900 млрд руб. в год. Естественно, при годовом планировании,

при утверждении годовой инвестиционной программы эти цифры могут некоторым образом измениться. Я не думаю, что они глобально изменятся, тем не менее возможны уточнения.

Что касается распределения между добычей и транспортировкой. Сохраняется баланс между объектами в сфере добычи – это примерно от 35% до 40% от инвестиционной программы, и транспортировкой газа – это от 40% до 45% инвестиционной программы. Порядка 10% – это объекты переработки, и также порядка 10% от объема инвестиций – это прочие проекты ПАО «Газпром».

Что касается географии, то на ближайшую и среднесрочную перспективу порядка 60% инвестиций планируется направить на Восток нашей страны – это Якутский, Иркутский центры газодобычи, Сахалин и все, что связано с этими проектами.

ВЕДУЩИЙ: Коллеги, спасибо. Пресс-конференция закончена.